

DOI 10.21672/1818-510X-2019-60-3-142-147

ПРАВОСЛАВНЫЙ ЛАНДШАФТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ²⁴

Топчиев Михаил Сергеевич, кандидат политических наук

Астраханский государственный университет

Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а

E-mail: ceo.gfn@gmail.com

Исследовано формирование православного ландшафта в странах Дальнего Востока, с которыми у России начиная с XIX в. были активные межкультурные коммуникации как на торговом, так и на дипломатическом уровне. Дан анализ основных характеристик его формирования. Для сравнения взяты Китай, Монголия, Япония, Корея – страны, где миссионерская деятельность Русской православной церкви оставила значительный след в общем религиозном ландшафте. В диахронном аспекте рассмотрена история формирования православного ландшафта на исследуемой территории, география и основные религиозные центры. Проанализирована роль фронтирменов от православия – ведущих миссионеров в формировании православного ландшафта в каждой из этих стран. Показано влияние личности миссионеров на специфику православного ландшафта. Проанализированы основные локации ландшафта в каждой из этих стран. Исследование позволяет выделить основные тенденции в его формировании.

Ключевые слова: православный ландшафт, Дальний Восток, христианизация, Китай, Корея, Япония, Монголия

ORTHODOX LANDSCAPE OF THE FAR EAST: COMPARATIVE ANALYSIS

Topchiev Mikhail S., Ph. D. (Policy)

Astrakhan State University

20a Tatischeva St., Astrakhan, 414056, Russian Federation

E-mail: ceo.gfn@gmail.com

The article is devoted to the study of the formation of the Orthodox landscape in the Far East countries, with which Russia since the nineteenth century was in an active cross-cultural communication on trade and diplomatic level. Main purpose of the article is a comparative analysis of the main characteristics of its formation. For comparison were taken China, Mongolia, Japan, Korea – countries where the missionary activity of the Russian Orthodox Church has left a significant mark in the overall religious landscape. The article deals with the history of its formation in the study area, geography and the main religious centers in the diachronic aspect. The role of frontiersmen from Orthodoxy – leading missionaries in the formation of the Orthodox landscape in each of these countries is analyzed. The influence of the personality of missionaries on the specificity of the Orthodox landscape is shown. The main locations of the landscape in each of these countries are analyzed. The study allows us to identify the main trends in its formation.

Keywords: Orthodox landscape, far East, Christianization, China, Korea, Japan, Mongolia

Территория Дальнего Востока включает в себя целый комплекс восточных стран, часть из них непосредственно граничит с Россией. Эти территории можно назвать фронтирными, поскольку они испокон веков являются площадкой наиболее интенсивных межкультурных коммуникаций. Естественно, что именно там шёл активный обмен информацией, фронтирмены прокладывали торговые пути, основывали поселения на близлежащих к границам «чужих» территориях. Да и само понятие границ было в определённой степени весьма условным. Российские торговые поселения на приграничных территориях нуждались в институтах веры, «религиозном окормлении». Религиозные верования дальневосточных государств (буддизм, конфуцианство, синтоизм) кардинально отличались от православия, поэтому потребность в институтах собственной веры у российских фронтирменов была достаточно высока. В местах наибольшего скопления соотечественников строились торговые фактории, основывались консульства, строились церкви, наезжали окормлять паству священнослужители, а потом возникали православные миссии. По словам нынешнего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла (Гундяева), «целенаправленной заграничной православной миссионерской деятельности в РПЦ не существовало – имело место естественное движение Церкви вместе с русскими землепроходцами» [3, с. 72].

Фронтирность территорий и специфика миссионерской деятельности РПЦ определили первоначальное естественное формирование *православного ландшафта*. Оно было сначала обусловлено торговыми делами, а затем дипломатическими нуждами. Позднее, в XX в.,

²⁴ Статья выполнена при поддержке РФФИ 17-33-01069 «Встреча с Чужим: российский и дальневосточный опыт межкультурной коммуникации» (The article was made with the support of the Russian Foundation for Basic Research 17-33-01069 "Meeting with an Alien: Russian and Far Eastern Experience of Intercultural Communication".)

в формирование православного ландшафта добавился белоэмигрантский вектор. У этого процесса были общие черты, но были и свои особенности.

Мы попытаемся провести сравнительный анализ формирования православного ландшафта на территориях нескольких дальневосточных государств, прежде всего, входящих в понятие дальневосточного фронта. Исследованию становления православия на территориях дальневосточных государств было посвящено достаточное количество работ, прежде всего российских исследователей. Однако практически нет работ, посвящённых именно формированию религиозного ландшафта, даже в русле одной страны Дальнего Востока. Понятие «религиозный ландшафт» определяется как «религиозная ситуация, складывающаяся на определённой территории в различные исторические периоды, характеризующаяся распространением представлений о существовании высших сил, влияющих на судьбу и жизнь людей, с которыми они пытаются установить диалог путём совершения определённых ритуальных практик и созданием соответствующих институтов» [2, с. 79].

Мы рассматриваем конфессиональный (религиозный) ландшафт, в данном случае мы будем употреблять эти понятия синонимично, не только как феномен, но и как процесс, в рамках которого происходит формирование религиозного и, возможно, иного вида самосознания. Данный феномен не только становится отражением социальных отношений, но и участвует в формировании их организации и понимании окружающего мира. Религиозный ландшафт подвижен и подвержен постоянным изменениям. Конфессиональный ландшафт той или иной страны представляет собой пространственно-временную характеристику существования, распространения и влияния совокупности конфессий на описываемой территории либо какой-то отдельной конфессии. Причём в понятие ландшафта мы включаем не только концентрацию (поселение) людей определённой конфессии, но и соответствующие культовые сооружения и институты. Мы сравним религиозный ландшафт Китая, Кореи, Монголии, Японии, стран, где он имеет свою историю.

Хронология. Православный ландшафт формируется на территории дальневосточных стран двумя путями: через фронтальное проникновение, переселение / эмиграцию русского населения, и через обращение местного населения в православие.

Первые локации православного ландшафта на Дальнем Востоке возникли в Китае, в Пекине, в связи с появлением русских пленников из разрушенного в 1685 г. китайскими войсками острога Албазин, расположенном на острове на р. Аргунь. Император Кан Си сформировал из них особую императорскую роту, выделил землю и отдал им и сопровождавшему их священнику Максиму Леонтьеву для молитв ламаистский храм. В дальнейшем религиозный и культурный синкретизм будет характерен для некоторых элементов православного ландшафта Китая, как, впрочем, и для ландшафта других христианских конфессий. Потомки албазинцев будут проживать впоследствии и на территории Трёхречья [8, с. 77]. Российская духовная миссия в Китае учреждена Петром I в 1712 г. [10, с. 165] на территории Пекина.

В других анализируемых нами странах православный ландшафт возник позднее, в XIX в. В Японии российская община существовала в 50-е гг. XIX в., активная прозелетическая деятельность начинается с приходом в 1860 г. Николая Касаткина. Православная община Японии очень долго, вплоть до 1947 г., находилась под полузапретом. В данном случае мы не будем касаться христианизации айнов [7, с. 17], хотя, по словам специалистов, она проходила в начале XVIII в., поскольку юрисдикция территорий весьма спорна. Но поскольку мы исследуем православный ландшафт, привязка к территории для нас важна.

В Монголии первые шаги также были заложены русскими купцами. Возникшие торговые поселения повлекли за собой открытие русского консульства в Урге (ныне Улан-Батор) в 1861 г. Для общины был приглашён священник и построена церковь. В 1864 г была отслужена первая служба, что стало точкой отсчёта формирования Троицкого прихода в Урге. В связи с получением автономии в составе Китая приток русских увеличивается, появляются ещё локации – в г. Кобдо и в районе оз. Хубсугул, где были открыты миссионерские станы.

В Корею толчок для распространения православия дали не русские, а корейские фронтирмены. В конце XIX в. они начали массово переселяться на территорию Российской империи, где принимали православие. Часть из них возвращалась обратно, транслируя православие на корейской территории. Поскольку в Сеуле на конец XIX – начало XX в. проживала русская колония и часть группы православных корейцев [9, с. 179], для их духовных нужд был построен собор.

Позднее всего, в XX в., православный приход возник во Вьетнаме, хотя русские специалисты проживали там и ранее. В связи с этим в нашем сравнительном анализе эту страну мы практически не затрагиваем.

Фронтирмены от православия. Большую роль в становлении православного ландшафта играли фронтирмены, только в ряде случаев они практически остались безымянными, но в некоторых ситуациях их имена стали символическими. Своеобразным православным «брендом» стало имя миссионера Николая Касаткина (1836–1912), на долгое время ставшего главой японской православной церкви, названного впоследствии Николаем Японским. Русские путешественники XX в. не раз отмечали, что имя Николай в Японии стало нарицательным.

Православный храм назывался «Николай», место Русской духовной миссии – «Николай», само православие также именовалось «Николай». 24 марта 1906 г. Святейший Синод возвёл Николая Касаткина в сан архиепископа Николая Японского [15, с. 135]. Свяtitель Николай не просто вёл активные межкультурные контакты с японцами, он попытался проникнуться культурой этой страны: в совершенстве овладев японским языком, изучив историю и литературу, он практически стал «японцем для японцев» [12, с. 30]. Значительное место в его межкультурном диалоге занимала переводческая деятельность. Перевод как форма межкультурной коммуникации – это отдельная тема исследования.

Культурный диалог возможен при наличии достойного перевода текстов, ключевых для понимания культуры другого народа. Именно Николай Японский занимался переводами, в первую очередь – священных текстов. Он был озабочен красотой слога и понятностью самого текста. Обращение в православие, с его позиции, должно быть осмыслено самими обращёнными. «В Японии же, при любви населения к чтению и при развитии уважения к печатному слову, верующим и оглашаемым, прежде всего, нужно давать книгу, написанную на их родном языке, непременно хорошим слогом и красиво, и дешёво изданную» [13, с. 36–37]. Им был создан православный богословский словарь на японском языке.

В истории становления православного ландшафта в Китае есть заслуга многих российских миссионеров. Первую Духовную миссию возглавил архимандрит Илларион Лежайский (1657–1717). Он хорошо владел китайским языком и больше занимался исследованиями, а не христианизацией местного населения. Формирование православного ландшафта в Китае, так же как и в Японии, требовало больших переводческих работ, в том числе перевода на китайский богослужебных книг, создания словарей. Эта работа была начата под руководством начальника тринадцатой и пятнадцатой Миссий архимандрита Палладия Кафарова (1817–1878), а затем продолжена главой восемнадцатой Миссии архимандритом Иннокентием Фигуровским (1863–1931). Однако ни один из них не стал символом православия в окормляемой стране. Особое место занимает Иоанн Шанхайский, явившийся ярким светилом не только в Шанхайском или Китайском православном ландшафте, но и в общемировом.

На корейской территории миссионерскую деятельность начинает архимандрит Хрисанф (1837–1894), отслуживший первую православную Божественную литургию на корейской земле в одной из комнат резиденции российского поверенного в делах в Сеуле [1, с. 66]. Как руководитель миссии он осуществляет ряд необходимых действий по формированию православного ландшафта. За время пребывания Хрисанфа в должности были построены новые храмы и приходы, открыты школы для корейцев. Была предпринята попытка перевода богословских текстов на корейский язык. Помимо этого Хрисанф пытался распространять знания о Корее среди российского населения, преимущественно среди дальневосточников, путём публикации своих впечатлений в журналах. Эта работа в первом составе миссии продолжалась до начала русско-японской войны (1904–1905), которая оказала серьёзное негативное влияние на деятельность миссии.

В Монголии наиболее знаковым лицом среди сменяющихся миссионеров-резидентов и временных служителей церкви был священник Федор Парняков, клирик Иркутской епархии, ставший настоятелем Ургинской консульской церкви в 1914 г. и известный своими либеральными взглядами. Свою главную задачу он видел в совершенствовании морального облика своих прихожан, который он находил весьма неудовлетворительным. Большое внимание он уделял налаживанию коммуникаций как внутри русской диаспоры, так и между народами. В рамках попечительства Ф. Парняков читал публичные лекции о войне, об истории Монголии, об эпидемических болезнях, гигиене и санитарии в Урге, о русской торговле в Монголии, о религиозных и эстетических задачах Ургинского попечительства [4, с. 201]. В 1921 г. после

захвата столицы Монголии бароном Р. Ф. фон Унгерн-Штернбергом, он был казнен за связь с коммунистами и левые взгляды. Практически все православные миссионеры внесли свой вклад в дальнейшее формирование православного ландшафта Дальнего Востока.

Локализация православного ландшафта. Естественно, что в большинстве исследуемых нами дальневосточных государств православный ландшафт не замыкается на столице, хотя она в большинстве случаев играет определяющую роль, поскольку именно там открывается православная миссия при посольстве или консульстве. Наиболее сложный рельеф православного ландшафта можно отметить в Китае. Начиная со столицы, он охватил ряд пограничных территорий на севере и юге. Первым в диахронном аспекте пространством православного ландшафта является территория Пекина, где исторически был создан приход, построена первая в Китае православная церковь, а потом открыта миссия. Второй хронологически и наиболее значимой в первой половине XX в. точкой распространения православия является г. Харбин (Маньчжурия, настоящее время провинция Хэйлуцзян). Сам Харбин в то время являлся некой гетеротопией на китайской земле. Православные соборы и стоявший на вокзале памятник св. Николаю почитался всеми жителями города: «Передним при отъезде ставили свечи не только русские, но и китайцы, называвшие его "старика – вокзала"» [5, с. 26]. Третьей локацией православного ландшафта Китая стали Синьцзян и Внутренняя Монголия, где основная масса русских православных были представителями крестьянства, купечества и казачьего сословия. Здесь также формировался русский культурный ландшафт – появились консульство, архитектура в русском стиле, бытовые элементы. Ещё одним центром притяжения православных в первой половине XX в. был Шанхай. Русская диаспора появляется там немногим ранее в связи с торговлей чаем, в 1986 г. появляется русское консульство. Шанхай стал важным белоэмигрантским центром, в силу чего там создавалась церковная инфраструктура. Церковь иконы Божьей Матери «Споручница грешных», основанной Иоанном Шанхайским, сохранилась до сих пор. Гораздо позднее возникли работающие в настоящее время приходы в Гонконге, Макао и Тайване, в то время как постоянно действующего православного храма на исторических местах возникновения православия в Китае на данный момент нет. Во всём Китае насчитывается около 15 тыс. верующих, дисперсно рассредоточенных преимущественно в точках основной исторической локализации.

Миссионерская деятельность среди корейцев началась на территории Российской империи, поскольку туда мигрировало большое количество корейцев. На территории российского Дальнего Востока к 1913 г. находилось 10 миссионерских станций с корейским населением, численность которого к 1920 г. достигла 300 тыс. человек [11]. Часть из них возвратилась в Корею, оставаясь православными. Центром православного ландшафта Кореи становится Сеул после создания там миссии и постройки церкви.

Институционально Корейская миссия несколько раз меняла свою юрисдикцию. До 1908 г. Корейская миссия находилась в ведении Санкт-Петербургской епархии, с 1921 г. – Владивостокской епархии, по 1944 г. – Токийской епархии, с 1944 г. – Харбинской и Восточно-Азиатской епархии. Позднее миссионерский стан открывается в Мунсане. После Портсмутского мира во времена японского протектората православие в Корее перешло на полулегальный режим. До 1917 г. российская колония в Сеуле ограничивалась консульством, миссионерским персоналом и несколькими торговцами. Тем не менее, архимандритом Павлом был продолжен перевод богослужебных книг, создан церковный хор, открыто пять миссионерских станций и четыре молитвенных дома (в городах Кёхе, Каругай, Сончон, Ильсан) [9, с. 221, 240]. После 1917 г. положение Корейской миссии значительно ухудшилось, поскольку местные власти всеми способами ограничивали общение русских с корейцами, запрещая им приезжать из провинций в миссию для посещения богослужений в храме. Таким образом, внешние препятствия мешали развитию православного ландшафта. После раздела Кореи на Южную и Северную, православие локализуется в Южной Корее и только в 2006 г. появляется храм в честь Живоначальной Троицы в Пхеньяне.

В Монголии локализация ландшафта сосредоточена была в Урге. Рядом со зданием консульства к 1875 г. был построен и обустроен иркутскими мастерами деревянный храм. «Рисунки, напоминающие славянские цветные кружева, придаёт всему иконостасу несколько своеобразный, как бы русский, народный оттенок» [4, с. 204]. В настоящее время православный ландшафт локализуется в Улан-Баторе вокруг Троицкого прихода и действующей от его лица небольшой православной общины в г. Эрдэнэте.

С появлением в Японии русского консульства в 1858 г. открылся первый православный храм на о. Хоккайдо, в г. Хакодате. В 1860 г. в Японии появляется знаковая для местного православия фигура – уже упомянутый нами выше святитель Николай. После его официальной хиротонии в 1880 г. в Токио начал строиться Токийский Воскресенский собор – главная достопримечательность японского православного ландшафта, известный как «Николай-до» («Храм Николая») [14, с. 29]. Он способствует строительству в Сэндае нового православного храма, открытого в 1892 г. Она была самой большой из деревянных построек этого периода. К 1903 г. возводится церковь Благовещения в Киото. Итогом деятельности святителя стали: один собор, восемь храмов, 175 церквей, 276 приходов [6]. По сравнению со всеми дальневосточными странами, именно японский православный ландшафт самый протяжённый. Японская православная церковь на современном этапе насчитывает более 30 000 человек, три епархии и 150 приходов охватывают практически всю территорию Японии.

Таким образом, формирование православного ландшафта в подавляющем большинстве исследуемых нами дальневосточных стран приходится на середину – конец XIX в. Первоначальным основанием для этого послужили миграционные процессы на фронтальных территориях: миграция представителей дальневосточных стран в Россию, как в случае с Кореей, либо активные миграционные процессы из России, как в Китае. Иногда это была дипломатическая деятельность, сопровождаемая миссионерской, как в Японии. В целом создание православного ландшафта шло по двум траекториям: первая – это формирование российской православной диаспоры вокруг торговых факторий или дипмиссий; вторая – это прозелитизм. Причём вторая траектория становится наиболее долговременной, поскольку русские эмигранты преимущественно ассимилируются или уезжают в Европу и Америку. Православный ландшафт продолжает существовать за счёт крещёного местного населения. Постепенно формируется этнический клир, прошедший обучение в России. Большую роль в формировании ландшафта играют миссионеры – фронтирмены. Наличие харизмы и интенции позволяет сформировать особое отношение к вере и её институтам, а также расширить географию «территории православия».

Список литературы

1. Волков, М. Г. Православная Церковь в Корею / М. Г. Волков // *Азия и Африка сегодня*. – 2009. – № 4. – С. 66–70.
2. Главацкая, Е. М. Религиозный ландшафт Урала: феномен, проблемы реконструкции, методы исследования / Е. М. Главацкая // *Уральский исторический вестник*. – 2008. – № 4 (21). – С. 76–82.
3. Гундяев, К. Религия и дипломатия. Взаимодействие Отдела внешних церковных связей Московского патриархата с Министерством иностранных дел России / К. Гундяев // *Церковь и время*. – 2001. – № 3 (16). – С. 70–85.
4. Корниенко, Н. «А святую ту церковь построить»: из истории возведения и деятельности Свято-Троицкого храма в Урге / Н. Корниенко // *Христианское чтение*. – 2017. – № 5. – С. 198–208.
5. Крузенштерн-Петерев, Ю. Воспоминания / Ю. Крузенштерн-Петерев // *Россияне в Азии*. – 1998. – № 5.
6. Манохин, С. Православие в Японии / С. Манохин. – Режим доступа: <http://tobolsk-eparhia-press.ru/prosvetitel/number.php?dat=2011.04&st=4>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
7. Осипова, М. В. Христианизация айнов как способ распространения российского влияния на Курильских островах / М. В. Осипова // *Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук*. – 2012. – № 1. – С. 15–22.
8. Павлов, Г. Казаки-албазинцы в Китае / Г. Павлов // *Разведчик*. – Санкт-Петербург, 1901. – № 550.
9. Перевалов, Ф. Российская Духовная Миссия в Корею (1900–1925 гг.) / Ф. Перевалов // *История Российской Духовной Миссии в Корею*. – Москва, 1999.
10. Поздняев, Д. Православие в Китае (1900–1997) / Д. Поздняев. – Москва : Свято-Владимирское Братство, 1998.
11. Сагитова, И. О. Евангелизация корейского населения российского Дальнего Востока (1864–1917) / И. О. Сагитова, Г. В. Прозорова. – Режим доступа: <https://koryo-saram.ru/sagitova-i-o-evangelizatsiya-korejskogo-naseleniya-rossijskogo-dal-nego-vostoka-1864-1917/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
12. Яблонская, О. В. Николай Японский о трудностях православной миссии в Японии / О. В. Яблонская, Д. В. Яковлев // *Актуальные вопросы и тенденции развития в современной науке*. – Махачкала, 2015. – С. 28–35.
13. Японский, Н. Краткое жизнеописание, дневники 1870–1911 гг. / Н. Японский. – Санкт-Петербург : Библиополис, 2007. – 760 с.
14. Яроцкая, Ю. А. Влияние православия на религиозную культуру Японии / Ю. А. Яроцкая // *Вестник Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў*. – 2015. – № 1 (23). – С. 27–33.
15. Яроцкая, Ю. А. Православие в религиозной культуре Японии / Ю. А. Яроцкая // *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е: Педагогические науки*. – 2013. – № 15. – С. 134–137.

References

1. Volkov M. G. Pravoslavnaya Tserkov v Koree [The Orthodox Church in Korea]. *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa Today], 2009, no. 4, pp. 66–70.
2. Glavatskaya Ye. M. Religioznyy landshaft Urala: fenomen, problemy rekonstruktsii, metody issledovaniya [Religious landscape of the Urals: a phenomenon, problems of reconstruction, research methods]. *Uralskiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Bulletin], 2008, no. 4 (21), pp. 76–82.
3. Gundyayev K. Religiya i diplomatiya. Vzaimodeystvie Otdela vneshnikh tserkovnykh svyazey Moskovskogo patriarkhata s Ministerstvom inostrannykh del Rossii [Religion and diplomacy. Interaction of the Department for External Church Relations of the Moscow Patriarchate with the Ministry of Foreign Affairs of Russia]. *Tserkov i vremya* [Church and Time], 2001, no. 3 (16), pp. 70–85.
4. Kornienko N. "A svyatuyu tu tserkov postroit": iz istorii vozvedeniya i deyatelnosti Svyato-Troitskogo khrama v Urge ["And build a holy church": from the history of the construction and activity of the Holy Trinity Church in Uрга]. *Khristianskoe chtenie* [Christian Reading], 2017, no. 5, pp. 198–208.
5. Kruzenshtern-Peterets, Yu. Vospominaniya [Memoirs]. *Rossiyane v Azii* [Russians in Asia], 1998, no. 5.
6. Manokhin S. *Pravoslaviye v Yaponii* [Orthodoxy in Japan]. Available at: <http://tobolsk-eparhia-press.ru/prosvetitel/number.php?dat=2011.04&st=4>.
7. Osipova M. V. Khristianizatsiya aynov kak sposob rasprostraneniya rossiyskogo vliyaniya na Kurilskikh ostrovakh [The Christianization of the Ainu as a way of spreading Russian influence in the Kuril Islands]. *Vestnik Dalnevostochnogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk* [Bulletin of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences], 2012, no. 1, pp. 15–22.
8. Pavlov G. Kazaki-albazintsy v Kitae [Cossacks-Albazinians in China]. *Razvedchik* [Scout]. St. Petersburg, 1901, no. 550.
9. Perevalov F. Rossiyskaya Dukhovnaya Missiya v Koree (1900—1925 gg.) [The Russian Ecclesiastical Mission in Korea (1900–1925)]. *Istoriya Rossiyskoy Dukhovnoy Missii v Koree* [History of the Russian Ecclesiastical Mission in Korea]. Moscow, 1999.
10. Pozdnyayev D. *Pravoslaviye v Kitae (1900–1997)* [Orthodoxy in China (1900–1997)]. Moscow, Svyato-Vladimirskoe Bratstvo Publ., 1998.
11. Sagitova I. O., Prozorova G. V. *Yevangelizatsiya koreyskogo naseleniya rossiyskogo Dalnego Vostoka (1864–1917)* [Evangelization of the Korean population of the Russian Far East (1864–1917)]. Available at: <https://koryo-saram.ru/sagitova-i-o-evangelizatsiya-korejskogo-naseleniya-rossijskogo-dal-nego-vostoka-1864-1917/>.
12. Yablonskaya O. V., Yakovlev D. V. Nikolay Yaponskiy o trudnostyakh pravoslavnoy missii v Yaponii [Nikolay Japanese on the difficulties of the Orthodox mission in Japan]. *Aktualnye voprosy i tendentsii razvitiya v sovremennoy nauke* [Actual issues and development trends in modern science]. Makhachkala, 2015, pp. 28–35.
13. Yaponskiy N. *Kratkoe zhizneopisanie, dnevniki 1870–1911 gg.* [A brief biography, diaries 1870–1911]. St. Petersburg, Bibliopolis Publ., 2007, 760 p.
14. Yarotskaya Yu. A. Vliyanie pravoslaviya na religioznuyu kulturu Yaponii [Influence of Orthodoxy on the religious culture of Japan]. *Vestnik Belaruskaga dzyarzhaynaga yuniversiteta kultury i mastatstvay* [Bulletin of the Belarusian State University of Culture and Arts], 2015, no. 1 (23), pp. 27–33.
15. Yarotskaya Yu. A. *Pravoslaviye v religioznoy kulture Yaponii* [Orthodoxy in the religious culture of Japan]. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Ye: Pedagogicheskie nauki* [Bulletin of Polotsk State University. Series E: Pedagogical Sciences], 2013, no. 15, pp. 134–137.